

Э.П.Риммер,
заслуж. раб. культуры РФ,
гл. специалист
Череповецкого музейного объединения

БАРСОВ Е. В. – УЧЕНЫЙ, ФОЛЬКЛОРИСТ, ОСНОВАТЕЛЬ МУЗЕЯ В г.ЧЕРЕПОВЦЕ

Елпидифор Васильевич Барсов (1836–1917) – крупнейший собиратель фольклора, старинных рукописей и старопечатных книг, выдающийся их исследователь, автор многочисленных научных работ и публикаций документов и материалов по истории, этнографии, фольклору Русского Севера, памятников древнерусской письменности. О нем и его коллекциях, исследованиях, политических взглядах, довольно много написано в различных изданиях. Елпидифор Васильевич – один из героев книги В.А.Гиляровского «Москва и москвичи». Москвичом он стал в 1870 году. Сначала снимал квартиру на Патриарших прудах, затем жил на Шабаловке в собственном доме. Барсов никогда не забывал свою родину – г.Череповец и Череповецкий уезд и советовал всем, «живя в столице, не забывать своих погостов». Помните, – говорил он, что «народ который не носит уважения к своим предкам, не достоин своего существования».

В 1885 году Барсов написал автобиографию для альбома М.И.Семевского – редактора исторического журнала «Русская старина»: «Родился я в селе Логинове Череповецкого уезда, но через шесть месяцев был отправлен к дедушке и бабушке в Андогу к Пречистой, (...) Дедушка Симеон – священник Андогский – Мудролюбов. 9-ти лет поступил в духовное училище Устюжны Железопольской. Тяжело вспоминать эти шесть лет, проведенные в этом училище: был сечен ежедневно по два, а часто и по три раза в день, стоял на коленях и оставался без обеда; а в субботу каждую, кроме того, был сечен за недельные шалости. (...) Затем я воспитывался в Новгородской духовной семинарии. Здесь мучили меня голод и гнилость Новгородской земли. (...) Высшее образование я получил в Санкт-Петербургской духовной академии, где принадлежал к обществу «Ядро» и был не столько студентом, сколько крикуном и заговорщиком, впрочем очень не опасным, и скорее следовал за другими, чем действовал по внутреннему движению. (...) Что это было лишь случайное явление – что все студенты нашего

курса явились в жизни не тем, чем они были в школе. (...) По окончании курса служил в Олонецкой духовной семинарии. (...) Отсюда был вызван в Москву Александром Егоровичем Викторовым в свои помощники. Из отделения рукописей Румянцевского музея поступил в библиотеку городской Чертковской библиотеки».

Со временем политические взгляды Барсова эволюционировали достаточно широко. В советской печати, о нем писали как о консерваторе, самом крайнем монархисте, сотрудничавшем с «Московским листком» и поставлявшем для него передовицы верноподданнического содержания. Елпидифор Васильевич находился в дружеских отношениях с К.П.Победоносцевым, обер-прокурором Синода, принимал участие в ряде журналов, издававшихся церковным ведомством. Победоносцеву Барсов посвятил одно из лучших своих исследований «Слово о полку Игореве» как художественный памятник киевской дружинной Руси». «Мне известно, – писал в посвящении Барсов, как высоко цените Вы «Слово о полку Игореве, (...) как близок Вашему сердцу тот идеал «единой земли Русской», который блистает здесь такими яркими лучами, служа заветом Киева Русской истории».

Барсова называли Грингмуттистом и он гордился этим, так как свято чтит и поклонялся этому знамени. Грингмут Владимир Андреевич (1851–1907) – публицист, критик, политический деятель, последователь Каткова, происходил из обрусевшей немецкой семьи. В 1905 году он создал и возглавил Русскую монархическую партию. Барсов также был монархистом. В начале XX века он участвовал в «чтениях» для рабочих, организованных в Историческом музее «Обществом взаимного вспомоществования рабочим механического производства». Во время лекций Елпидифор Васильевич призывал слушателей беречь в своем сердце истину самодержавия, как основу и залог будущего величия и славы России».

В статьях для «Московского листка» Барсов писал и о покушении на жандармского генерала Новицкого, и о начале русско-японской войны, и о Государственной Думе. Читатели настолько привыкли доверять оценкам Барсова современных им событий, что при малейшей задержке в письмах в редакцию спрашивали: «Отчего молчит Елпидифор Васильевич?». Редакция «Московского листка» считала, что если Елпидифор Васильевич напишет, например, о бедственном положении дома умалишенных, то это вызовет поток денежных пожертвований на его устройство.

Интересовался Барсов и современной литературой. Однажды, во время беседы с известным историком В.О.Ключевским о литературе и литераторах Барсов спросил, как относится он к успеху А.М.Горького. Ключевский ответил:

– «Горький это пропаганда, а пропаганда не литература. Горький пришелся по плечу Обществу, которое теперь особенно унижается. Это люди, борющиеся за свое существование, много читающие и этим путем работающие над собой больше, чем учащаяся молодежь. Но в них нет никакой устойчивости. Этому слою людей, не интеллигентов совершенно по плечу творения своего собрата – и снохачество на плотях и дно всяких мерзостей с примитивной тенденцией ницшианства, политиканства и т. п.

– Однако, Василий Осипович, Горький известен за границей и там его хвалят, – возразил я.

– Если его славят за границей, отвечал он, то и там есть отбросы Общества, кои видят в Горьком свои вкусы и кричат о них.

– Но недаром же Академия наук хотела возвести Горького в Академики российской словесности, заметил я.

– Академия сама опустилась бы на «Дно» и здесь среди оборванцев явился бы и герой в академическом мундире с проповедью физической силы против морали или социализма, против собственности и государства. Воображаем, как тогда ликовали бы рукоплескали зрители «Дна», вознося превыше небес Российскую науку, но что сказала бы тогда история Русского просвещения. Мрачно и уныло отметила бы она на своих страницах это несуразное явление».

Являясь уроженцем нашего края и владельцем имения в деревне Ольхово, Елпидифор Васильевич по поручению научных обществ неоднократно проводил археологические раскопки на территории Череповецкого уезда, собирал здесь старинные предметы, рукописи, народные песни, предания. Подтверждение этому можно найти в его трудах. Например, в «Причитаниях Северного края» он писал: «В минувшем 1870 году я был на родине в Новгородской губернии, в Череповецком уезде, оказывается, что и здесь есть еще плакальщицы, известные целым волостям своими умильными причитаниями».

С 15 января 1873 года Барсов являлся членом-корреспондентом Императорского Московского археологического общества, на заседаниях которого он регулярно делал отчеты о произведенных им исследованиях. В «Трудах» общества опубликованы следующие статьи Барсова: «О деревянной часовне в 5–6 верстах от г.Вытегры Олонецкой губернии» (Т.VII. 1878 г.); Объяснение

археологических предметов, поступивших в Общество с выставки, устроенной в г. Череповце» (Т. VIII. 1880 г.); «Проект Устава для музея в г. Череповце» (Т. IX. 1883 г.); «Княжий городок на реке Шексне». (Т. II. 1891 г.)

В отчете об опыте изысканий на берегах Шексны, произведенных по поручению Императорского Московского Археологического Общества и Подготовительного Ярославского комитета, Барсов рассказывал о раскопках на реке Шексне, в том месте, где в нее впадает речка Мокса. Само ее имя, – заметил Барсов, стало для него соблазном и побудило остановиться на курганах, на ней расположенных. Когда то эти курганы были покрыты лесом, но к моменту раскопок лес был уже вырублен. От него остались лишь большие пни, облежавшие вершины, откосы и всю окружность курганов. Елпидифор Васильевич раскопал три огромных кургана: в двух из них оказались следы органического пепла, в третьем же не оказалось даже и того. «Всякий из нас, – говорил Барсов, кто занимается раскопками, конечно, понимает то чувство недовольства, которым разрешаются подобные неудачи».

Разочарованный в успехе дальнейшего продолжения начатого, Барсов обратился к другого рода поискам, а именно к разысканию памятников былевого песнетворчества. «Не в недрах только земли, но и в верхах народного сознания таятся следы доисторического быта. Мне указали в деревне Ольхово на крестьянина Михея Васильевича Глыбина, как певца старины. На мои расспросы этот Глыбин объяснил, что покойный отец его Василий Данилов и дед Данил Иванов очень любили слушать старинное и часто приглашали к себе в дом старика Ивана Степанова, который был мастером петь про старую старину: «я, говорил он, лежал в это время на полатах и слышал». На просьбу мою, не вспомнит ли он хотя немножко, он запел:

Из-за лесу было,
Лесу темного,
Из-за гор было тонкучих,
Из-за Ефимова было озера,
Из-за той было пустыни
Астафиевой,
Выходили то они на крутой бережок,
Чин – от становили.
В единый во кружок

Все копья булатные привотыкали,
Все сумочки сафьяны привозвысили.
– Как задумали они
– Да крепку думушку:
– «Да кому же из нас атаману быть?».
– И тут выбрали они атамана-то -
– Парня удалого – сына Ефимова.
У него да лицо белое –
Что из печки из огненные.
Как у него косичка правая –
Што заря горит, да утренняя.
Как левая косиченька –
Што заря, да ведь вечерняя;
Как затылок у добра молодца –
Все равно, да луна светлая.
Быть тебе удалу добру молодцу –
Атаманом быть надо всем кругом. ...

Барсов считал, что этот отголосок былевого творчества, едва ли не последний на берегах Шексны. Во всяком случае он в высшей степени драгоценен для историков народного песнетворчества. А, упомянутая здесь Астафьева пустынь, находится на берегу Шексны в восьми верстах от нынешней границы Ярославской губернии.

На этом же заседании Барсов сделал доклад о «Княжиче городке», стоящем на правом берегу Шексны в 30 верстах от города Мологи и в 75 от Рыбинска. Барсов говорил, что ежегодно, проезжая по Шексне, он каждый раз любовался приятным видом и интересовался его судьбой. Само название «Княжич городок» невольно останавливает на себе внимание. На берегу реки Андоги, текущей в Суду, впадающую в Шексну (Череповецкий уезд) есть местность с подобным же названием «Княжее село». Что это село называется княжим именно потому, что оно было столицей князей Андогских – это не может подлежать ни малейшему сомнению. Как это село, так и жившие в нем князья Андогские упоминаются в житии Филиппа Ирапского, монастырь которого находится в 4 верстах от Княжего села. То же самое объяснение применимо и к объяснению «Княжича городка». Вероятно, он получил такое название потому, что служил столицей князей

Шехонских. Из заметки о нем, – говорил Барсов, помещенной в «Ярославских губернских ведомостях», мы узнаем, что в семи верстах от него стоит село Покровское, которое, как известно, в старину называлось Песьим, в 12 верстах находится село с именем Пчелье. Автор означенной заметки справедливо предполагает, что Песье село могло быть псовым двором тех же Шехонских князей, а село Пчелье могло иметь значение дворцового пчельника.

История «Княжича городка», как столицы удельных князей не известна. В XVI веке «Княжич городок» принадлежал уже великому князю Московскому, где был государе ез – т.е. рыбная ловля, откуда доставлялись Московскому двору осетры. Во время междоусобицы «Княжич городок» отдан был боярами Смольнянину Павлу Михайлову, сыну Уварову, по всей вероятности, одному из предков незабвенного графа А.С.Уварова».

Алексей Сергеевич Уваров (1825 – 1884) – русский археолог, один из основателей Русского и Московского археологических обществ, Исторического музея в Москве, археологических съездов. В августе 1878 года он, как руководитель путешествия Великих Князей Сергея и Павла Александровичей и Константина и Дмитрия Константиновичей, посетил Череповец и ознакомился с археологической выставкой, устроенной к их приезду Е.В.Барсовым. Памяти А.С.Уварова Елпидифор Васильевич посвятил третий том «Причитаний Северного края», вышедший в Москве в 1886 году.

В «Протоколе заседаний Общества под председательством графа А.С.Уварова», напечатанном в VIII томе «Трудов» есть сообщение о том, что в 1879 году Барсов выступил с объяснением предметов, поступивших в Общество с выставки, устроенной им в Череповце в 1878 году. Предметы эти следующие: Образ Покоя Божия, Образ Благовещения Выксинской Николаевской церкви XVII века, Чугунный колокол XVI века, Лампада XVII века, железный подсвечник XVII века, Фелонь с вышитыми на оплечье серебром узорами XVII века Благовещенской городской церкви, две слюдяные рамы, замечательные узорным расположением слюды и многое другое.

Образ Покоя Божия XVI века Елпидифор Васильевич отыскал лет 10 тому назад на чердаке череповецкой Благовещенской церкви, при чем просил священника Стефана Тринитатова поберечь этот образ, как очень замечательный и в свое время бывший местной иконой. «Прочие образа, в ряду которых он стоял, переданы были как простые доски какому то иконописцу. Смысл этого образа тот же самый, что и в древнерусских поучениях, которые направлены к

тому, чтобы научить христиан-полуязычников почитанию воскресного дня и подписываются так: «Слово о еже подобает христианам чтити день недельный». Так как по понятиям древнерусских книжников икона есть та же книга, то, по всей вероятности, в глубокой еще древности и смысл подобных поучений перенесен на икону, которая гласит, что если сам Господь в день недельный почил от всех дел своих, то христианам тем паче подобает почитать этот день».

Об иконе Благовещения из деревянной церкви в селе Выксине Череповецкого уезда Барсов писал в статье «Христианская поэзия и искусство в связи с новозаветными апокрифами» («Философия русского религиозного искусства» под редакцией Н.К.Гаврюшина М. 1993 г.). Он назвал эту икону «в высшей степени замечательной, отвечавшей миросозерцанию докетов и за ними манихеев», но неуместной в храме православном. На иконе изображен эон или ангел, который после благословения Бога-Отца слетел на землю, стал перед человеческим плотским образом и в ужасе от мысли, что он должен этот образ воспринять на себя, склонил голову и заплакал. «Ему тяжело идти в эту злую материю, ему не хочется воспринять на себя грубую плоть и сделаться человеком». Так описал Барсов икону. Она была очень древней, но поновленной и перемазанной местными богомазами. С соизволения Великого Князя Сергея Александровича и с согласия местного причта икону эту перевезли в Императорское Московское археологическое общество, где она, как заметил Барсов, находится и ныне.

Собирательская деятельность Барсова была сопряжена с определенными трудностями. Однажды он вынужден был обратиться с ходатайством к его Преосвященству Феодосию Епископу Вологодскому и Тотемскому:

«Припадая к стопам Вашим осмеливаюсь утруждать Вас, милостивый Архипастырь нижайшею просьбой. Благоволите вникнуть в мое дело и снизойти ко мне. Как известно Вашему Преосвященству меня арестовали в Тотьме, как бродягу, хотя я предъявил законные виды, отобрали у меня все книги, как будто книги вредные и запрещенные, которые находятся в настоящее время на рассмотрении Вологодской консистории.

Ваше Преосвященство! Должен сознаться, что я действительно по совести принадлежу к старообрядческому обществу, но распространением раскола никогда не занимался ... Отобранные у меня Богослужебные книги, как разрешенные Церковью для единоверческих церквей, ничего в себе противного Православию не заключают. Отобранные у меня рукописи, как то: Златоустники и Измарагды содержат лишь творения святых отцов, читать которые никто не

запрещал и не запрещает, далее летописец, который касается истории русской земли и еще менее имеет отношение к расколу. Едва ли так же верно смотреть как на книги запрещенные на житейники и на патерики. И действительно, в Москве производилась и производится торговля всеми этими книгами публично, несмотря на то, что там есть генерал-губернатор. Историки, археологи, антиквары и все любители старины, знатные люди и даже иногда иностранцы открыто покупают старые книги. Не находя ничего предосудительного в приобретении и продаже подобного товара, я скупал у своей братии старообрядцев книги печатные для Комиссионера Императорского Московского университета Сергея Большакова . (...) Принимая все это в Ваше благосклонное внимание, благоволите дать распоряжение к выдаче моих этих книг и рукописей, как по содержанию своему не противных Православию, государству и не имеющих никакого отношения к распространению раскола».

Сегодня трудно сказать что-нибудь по поводу того, где хранятся собранные в нашем крае Елпидифором Васильевичем предметы старины. В 1896 году в журнале «Естествознание и география» было напечатано «Письмо из Череповца», в котором рассказывалось об открытии Музея местного края, и о том, что сделать это было не просто, так как многие предметы старины «уже в значительной степени отсюда вывезены известным археологом Барсовым и учредителем Новгородского музея древностей Богословским». Но справедливости ради, следует заметить, что объективно выставки Барсова способствовали возникновению музея в Череповце. Для него Елпидифор Васильевич в 1879 году составил «Проект устава для музея в г. Череповце», передал его на обсуждение ученых Московского археологического общества. Проект был ими одобрен и отправлен в Череповецкую городскую думу. Для будущего музея в качестве основы Елпидифор Васильевич подарил городу одну из своих археологических коллекций, имевших немалую ценность. Поскольку музей тогда только намечался и у него не было собственного здания, то коллекция Барсова поступила на хранение в учительскую семинарию и лишь в 1903 году была передана музею. Тогда же был написан и новый «Устав историко-археологического и экономического музея в Череповце».

Большая часть собранных Барсовым книг и рукописей стала достоянием столичных музеев и библиотек. В 1915 году Г.Л.Малицким и В.Н.Щепкиным был составлен «Отчет Императорского Российского Исторического музея имени императора Александра III». В нем говорится, что приобретенное Историческим

музеем собрание рукописей Е.В.Барсова распадается по делению самого собирателя, на 16 отделов: Святое писание, Толкования Святого Писания, Церковное право, Творения отцов и учителей церкви, Русские писатели переводчики, История русской церкви и т.д. Вместе с собранием самих рукописей в музей поступило и описание их, составленное Елпидифором Васильевичем. Переданное в качестве охранного каталога, описание содержит не только определение рукописи, но и замечания, а иногда и целые исследования об особенностях языка или перевода, об отличиях текста данного списка от изданного в печати или от имеющихся в других собраниях. Словом, описание представляет собой не меньшее значение, чем сами рукописи.

В сентябре 1919 года Антониной Елпидифоровной Тереховой – дочерью Елпидифора Васильевича – были переданы в ГИМ личный архив Барсова и еще довольно большая коллекция архивных документов. Архив Барсова хранится в ГИМе в двух отделах: ОПИ и отделе рукописей. В первом – личный архив Барсова, разнообразный документальный материал исторического содержания, а также часть рукописей исторического и историко-литературного содержания. В отделе рукописей хранится часть собрания рукописей и старопечатных книг, приобретенных музеем в 1914 году. Старобрядческие рукописи собрания Барсова проданы были его дочерью в 1919 году Румянцевскому музею и в настоящее время хранятся в рукописном отделении Российской Государственной библиотеки.